

**В.И. ШАХОВСКИЙ,
Н.Г. КОЛОСОВА (СОЛОДОВНИКОВА)**
(Волгоград)

СТИЛИСТИКА ПОСЛЕДНЕГО СЛОВА ПРИГОВОРЁННЫХ К СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Выявляются эмотивные особенности текстов последнего слова приговорённых к смертной казни. С позиций эмотивной лингвоэкологии рассматривается экологичность стрессовой лингвистики данных текстов.

Ключевые слова: *последнее слово приговорённых к смертной казни, стрессовая лингвистика, экологичность, эмотивная лингвоэкология.*

Когда мы забываемся и начинаем мнить себя бессмертными, сколь освежительно действует на нас сие простое выражение: *memento mori!*

М.Е. Салтыков-Щедрин

Слова *жизнь* и *смерть* ассоциативно слиты друг с другом, они не являются антонимами в полном семантическом смысле. Жизнь уже предполагает смерть, что находит отражение, например, в высказываниях *Memento vivere* (*Помни о жизни*) и *Memento mori* (*Помни о смерти*). Этичность рассуждений на темы, вызывающие страх, отторжение, боль, — одна из проблем *стрессовой лингвистики* как части эмотивной лингвоэкологии [13]. Одной из таких тем является *смертная казнь*.

Лишение человека жизни используется в качестве наказания, узаконенного государством, и осуществляется по вступившему в силу приговору суда или (исторически) по решению иных государственных или военных органов. Например, в США в настоящее время смертная казнь применяется как федеральными судами, так и в ряде штатов. Законы различных штатов предусматривают пять способов смертной казни: повешение, расстрел, электрический стул, газовую камеру, смертельную инъекцию. В современном обществе смертная казнь является уголовным наказанием за чрезвычайно тяжкие преступления, однако во многих юрисдикциях считается незаконной.

Существование в США понятия «культура смертной казни», с нашей точки зрения, свидетельствует об этичности обращения к данной

теме в научном дискурсе. Культура смертной казни в США обычно включает право осуждённого на последний ужин — еду, приготовляемую за несколько часов до казни в соответствии с его просьбой (с определёнными ограничениями), и право на *последнее слово* непосредственно перед исполнением приговора. При казни обычно присутствуют свидетели. Количество и состав лиц, имеющих право на такое присутствие, различаются в разных штатах, но, как правило, это родственники осуждённого и его жертв, адвокаты, священник.

Правовое использование смертной казни — тема отдельного исследования. В лингвистике уже имеются работы, посвящённые, например, выявлению дискурсивных особенностей и жанровых признаков такого типа монологического сообщения, как прощальная речь [5], однако тексты последнего слова приговорённых к смертной казни ещё не были исследованы с позиций эмотивной лингвоэкологии. Целью данной статьи является эмотивный анализ последнего слова приговорённых к такому наказанию.

Специфика текстов последнего слова в том, что они являются чрезвычайно аффективными и неприятными для восприятия. Вопрос о справедливости казни дискутируется, потому что общество хочет быть гуманным, но это — очень болезненная проблема для всего человечества. И потому она тоже аффективна. Но обществу приходится иметь дело не только с приятными и развлекающими его темами. Эту функцию берёт на себя художественная литература. Вспомним, например, тягостное и мрачное по своему сюжету, но, вместе с тем, выдающееся произведение Т. Драйзера «Американская трагедия». В нём детально раскрываются вся культура процедуры смертной казни в США и душевные переживания Клайда Гриффитса, приговорённого к электрическому стулу за убийство беременевшей от него Роберты Олден. В книге описывается мучительное состояние главного героя перед казнью — страх, ужас, агония, отчаяние, безысходность. Но его последнее слово проникнуто спокойствием перед неотвратимостью смерти: перед исполнением приговора Клайд Гриффитс обрёл веру. В приводимом ниже фрагменте подчёркиванием выделены переживания Клайда Гриффитса и его близких: «*Душа его была полна ужаса перед близкой и верной смертью и неведомой загробной жизнью, и этот ужас, вместе с верой и волнением матери и преподоб-*

ного Мак-Миллана (он навещал Клайда каждый день, говорил ему о милосердии божьем и убеждал в необходимости всецело уповать на господу), заставили Клайда наконец решить, что он не только должен обрести веру, но уже обрел её и с нею полный и нерушимый душевный мир. В таком состоянии по просьбе матери и преподобного Мак-Миллана, который непосредственно помогал ему, давал указания и тут же, при нём и с его согласия изменил некоторые его выражения, Клайд составил письмо (его последнее слово. – В.Ш., Н.К. (С.)), обращенное ко всему миру и в особенности к молодым людям его возраста» [2, с. 491].

Анализ того, что чувствует и выражает приговорённый в своём последнем в жизни слове, а также адресность этого слова имеют важное значение для лингвистики эмоций и эмотивной лингвистики. Полагаем, что последнее слово отличается высокой степенью искренности и аффективности и несёт отпечаток личности говорящего, которая уже не может не быть трансформированной. Сама ситуация ожидания исполнения приговора и фактор времени воздействуют на приговорённого. Вспомним «Американскую трагедию» Т. Драйзера: «*Всё равно, в назначенный срок каждый шел на смерть – кто с жалобами, кто с протестом, кто обезумев, кто равнодушно*» [Там же, с. 476].

Но тема смертной казни поднимается не только в художественной литературе. Затрагивается она и в прессе. Например, 16 января 2015 г. журнал «Esquire» (№ 106) опубликовал 15 текстов последнего слова приговорённых к смертной казни. Тексты последнего слова приговорённых к смертной казни можно найти на сайте Управления уголовной юстиции штата Техас [9]. Статью под заголовком «Посмертная сказка» открывают следующие строки: «*Штат Техас является лидером США по числу смертных казней – за тридцать два года инъекцию там сделали 518 осуждённым. Esquire публикует их последние слова*» [7]. Считаем публикацию текстов последнего слова приговорённых к смертной казни в названном журнале продолжением традиции культуры смертной казни в США. Для реализации цели данной статьи проведём эмотивный анализ этих текстов.

Известно, что одно из ключевых понятий теории эмотивности языка – это понятие эмотивной семантики, которое включает в себя эмотивное значение, эмотивную коннотацию

и эмотивный потенциал в двух разновидностях – ингерентной и адгерентной. На текстовом уровне вычленяется ещё один элемент этого типа семантики – эмотивный смысл, понимание которого является релевантным для успешной коммуникации. В типологии текстов эмотивный текст классифицируется как текст эмоционального отношения. Эмотивный текст, как правило, эмоциогенен [10, с. 139].

Метод эмотивного анализа разработан лингвистикой эмоций и состоит в выделении названных, описанных, выраженных эмоций, а также в определении оценочного знака эмотивов (в семантике разных типов эмотивов – аффективов, коннотативов и потенциативов – эмоции представлены в разном объёме: условно – 100% в аффективах, 50% в коннотативах и по-разному, в зависимости от контекста, в потенциативах) [11; 12].

Поскольку приговорённые погружены в чрезвычайно стрессовую ситуацию сначала длительного ожидания, а затем почти мгновенного исполнения приговора после произнесения ими последнего слова, производимые ими тексты становятся аффективными, что стирает границу между разными типами эмотивов. Изначально метод эмотивного анализа был разработан в ходе исследования разнообразного художественного материала. Позднее его начали применять к газетным публикациям [3], а в данной статье он использован для исследования реальных текстов, приводимых в русском переводе. Лингвистикой эмоций доказано, что смысловое содержание эмотивных текстов всегда имеет определённую эмоциональную доминанту, которую наряду с разнообразием эмотивных смыслов знаков текста надо адекватно передать на иностранный язык. Доказано, что переводы страдают эмоциональной заниженностью и даже нейтрализацией эмоциональности. Учитывая, что рациональная и эмоциональная информация в коммуникативном акте, в том числе и межъязыковом, каким является, в частности, перевод, идёт нерасчленённо, перед переводчиком стоит трудоёмкая задача по выделению эмотивного смысла в языке-источнике, его осознанию и «переупаковке» на языке-рецепторе. Доказано, что при любом переводе, даже самом квалифицированном, эмотивно-семантический эллипсис в тексте перевода неизбежен, различна лишь его степень. В этом плане теоретически важно понимать эквивалентность текстоосновы и текста перевода как их диалектическую взаимосвязь. Наличие эмотивных лакун

является следствием языковой национальной специфичности. Известно, что именно в сфере трансляции эмотивных смыслов заключаются основные трудности и максимальные потери [10, с. 140–152]. Принимая во внимание всё вышесказанное, в рамках приводимого анализа недифференцированно используется термин «эмотив» и выявляются случаи номинации, дескрипции и экспрессии эмоций.

Текст 1 демонстрирует раскаяние, текст 2 транслирует протест.

Мигель Энджел Паредес

Дата преступления: 17 сентября 2000 года

Дата казни: 28 октября 2014 года

Возраст: 32 года

Обвинение: вместе с двумя сообщниками застрелил троих человек и сжёг их трупы.

Я хочу сказать семье убитого: знайте, я надеюсь, что вы больше не испытываете ненависти из-за того, что я сделал. Я пришёл в мир львом, а ухожу мирным, как ягнёнок. В моей душе мир. Надеюсь, наше общество понимает, кому ещё оно этим делает больно. Хочу сказать тем, кого люблю: я надеюсь, мои жертвы смогли простить меня в своём сердце. Сам я всех простил и люблю всех. Молитесь за мою душу, я прощаю себя. Я люблю вас и буду ждать вас там. Брат, позаботьтесь о моей семье. Позаботьтесь о моей любимой девочке, о маме, сыночках и всех, кого я люблю. Брат Уэйн и брат Джо, спасибо вам! Хорхе, не думай, что Луис совсем пропащий, я буду за вами следить. Спасибо вам за всё! Господь, отец небесный, вверяю тебе свою душу, не оставь заботой и попечением тех, кого я покидаю. Надзиратель, я готов. Господи, прими мою душу. Простите меня, я всех вас люблю, я всегда буду с вами. Я люблю вас, люблю вас, люблю вас! Господи, спаситель мой, люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя! [6].

В данном тексте названы следующие эмоции: любовь (9 раз), ненависть (1 раз); описаны следующие эмоции: спокойствие (9 раз); выражены следующие эмоции: надежда (3 раза), благодарность (2 раза), раскаяние (11 раз). Всего в тексте 35 раз транслируется 6 различных эмоций. Из них 34 раза транслируются положительные эмоции и 1 раз отрицательная.

Известно, что человеку в состоянии стресса свойственно повторять одни и те же слова несколько раз. Слова, которые повторяются в тексте, становятся аффективно-эмотивными. Например, о себе в разных формах М.Э. Паредес упоминает 27 раз. Считаем, что адресативы в данном контексте также становятся

сильнейшими аффективами: к семьям убитых, своей семье, Богу, друзьям, обществу приговорённый в общей сложности обращается 30 раз. Именно различные адресативы и противопоставление «я» приговорённого всем остальным являются ведущими стилистическими средствами данного текста.

Джеффри Демонд Уильямс

Дата преступления: 19 мая 1999 года

Дата казни: 15 мая 2013 года

Возраст: 37 лет

Обвинение: после угона автомобиля застрелил офицера полиции.

Копы, вы клоуны. Хотите, чтобы невинных детишек не убивали? Чтобы никто ваших деток не пристрелил? И если я кого-то убью, блин, хлопну кого-то, вы сразу хотите убить меня. Но Бог знает, кому что положено. Поняли, вы? Я люблю всех, кто любит меня. И не люблю всех, кто меня не любит [8].

В данном тексте названы следующие эмоции: любовь (2 раза); описаны следующие эмоции: ненависть (2 раза); выражены следующие эмоции: презрение (4 раза); возмущение (4 раза). Всего в тексте 12 раз транслируется 4 разные эмоции. Из них 2 раза транслируется положительная эмоция и 10 раз отрицательные.

По аналогии с текстом 1 самым часто повторяющимся словом текста 2 является слово «я» (5 раз). Адресативы «копы», «вы» также являются аффективной разновидностью эмотивов. Доминирующим в стилистике данного текста является противопоставление себя полиции.

Как показано на примере двух текстов, все адресативы являются чрезвычайно аффективными, поскольку это последняя возможность для приговорённого выразить себя. То же наблюдение справедливо в отношении всех 15 анализируемых текстов. В них выявляется следующая закономерность: многочисленные повторы адресативов и использование различного рода противопоставлений. Также необходимо отметить, что все 15 анализируемых текстов являются плотноэмотивными и большинство из них транслирует всё-таки положительные эмоции, ведущей из которых является любовь.

Эмотивный анализ 15 текстов последнего слова приговорённых к смертной казни выявил основные эмотивные смыслы, согласно которым тексты можно разделить на те, где выражается полное раскаяние в содеянном, просьба о прощении, благословение близких, призна-

ние вины, и те, где звучит полное отрицание вины. Ключевые эмотивы данных текстов: *Господь, спаситель, вера, надежда, душа, сердце, мир, прощение, семья убитого, спасибо, небо, вечность, ошибка, (не)справедливость, боль, раскаяние, облегчение, исцеление, соболезнование, покой, милосердие, свобода*.

Положительными эмосемами анализируемых текстов являются: *спокойствие, смирение, благодарность, прощение, умиротворение, облегчение, радость*. Их адресатами выступают семьи преступников, друзья, семьи убитых, Бог, надзиратели, сами осуждённые.

Отрицательные эмосемы анализируемых текстов: *возмущение, негодование, презрение, злость, протест, раздражение, гнев*. Их адресаты: государство, власти штата, полиция, жертвы преступлений.

Ни один из текстов не транслирует *страх*.

Учитывая тот факт, что тексты последнего слова приводятся в русскоязычном переводе, сделаем предположение относительно степени их аффективности. Ни один перевод не может до конца передать все национально-специфичные оттенки эмоциональных коннотаций и ассоциаций. Считаем, что аффективность и эмоциогенность оригинальных текстов значительно превосходят аффективность и эмотивность переводов. Кроме того, необходимо отметить, что за пределами как переводов, так и оригиналов этих письменно зафиксированных текстов последних слов остаётся авербалика эмоций их авторов. Оригинальный звучащий текст является гораздо более эмоциональным, эмотивным, экспрессивным и эмоциогенным за счёт просодии, фонации, мимики и жестики говорящих.

Полагаем также, что и культура восприятия таких текстов должна быть различной для американцев и россиян. Для США смертная казнь – часть правовой культуры, а для россиян эта эмосема аффективнее из-за отсутствия данной меры наказания.

По своему эмотивному заряду эти тексты звучат поражающе, т. к. их лингвистика и стилистика стрессовы. Небольшие по своему объёму, тексты плотно эмотивны. Ожидание исполнения приговора, конечно, влияет на психику. Отсрочка казни отягощает наказание. Автором последнего слова является уже деформированная языковая личность. Считаем, что именно дистанция между приговором и его исполнением трансформирует языковую личность. И как бы ни был образован человек, он опускается на подсознатель-

ный уровень своего выражения, самоидентификация здесь не работает. Речь подготовлена, но за счёт длительной психодрамы, идентифицирует уже сломленного человека. Самоидентификация человека, варианты языковой личности – это проблемы стрессовой лингвистики. Полагаем, что это направление необходимо развивать в рамках эмотивной лингвоэкологии, психологии и экологии эмоций в рамках общей экологии человека.

Баланс рационального и эмоционального в анализируемом типе текстов сдвинут в сторону эмоционального, потому что фактически текст имеет адресность, но не ожидает рефлексии при жизни. Рефлексия наступает после исполнения казни в комментариях, которые публикуются на сайте журнала. По сути, последние тексты приговорённых к казни представляют собой уникальный тип текстов – они являются *текстами-аффективами*. Не подлежат сомнению их искренность и экспрессивность как общая характеристика, «интегральный результат реализации эмотивности, оценочности, образности, интенсивности, стилистической маркированности, структурно-композиционных свойств, подтекста» [4, с. 186].

Важность как самой проблемы смертной казни, так и отношения к тому, с какими переживаниями уходит приговорённый к этому виду наказания, отражается в рефлексии читателей текстов последнего слова. Отдельный интерес представляет эмотивный анализ реакции оставляющих комментарии, т. к. эти реакции также высокоэмотивны, но это перспектива и задача другого исследования. В рамках данной статьи считаем необходимым отметить, что мнения публики диаметрально противоположны: часть полагает, что нельзя наказывать убийством за убийство, часть же выступает за смертную казнь как за единственный сдерживающий общество фактор. В комментариях также представлена богатая палитра эмоций общества: от скорби до злорадства. Это тоже одна из проблем стрессовой лингвистики. Эмоции заложены в человеке эволюционно, а воспитание их выражения или сдерживания зависит от среды, в том числе и языковой, о чём напоминают этологи [1].

С точки зрения эмотивной лингвоэкологии необходимо оценить, нужны ли публикации текстов последнего слова для широкой публики, ведь они неизбежно индуцируют неприятные эмоции у своих читателей, что нарушает экологию человека.

Список литературы

1. Вааль Ф. де. URL: [https:// esquire.ru // fransiscus-de-waal](https://esquire.ru/fransiscus-de-waal) (дата обращения: 05.01.2016).
2. Драйзер Т. Американская трагедия / пер. Н. Галь и З. Вершининой. Баку: «Олимп», 1995.
3. Колосова (Солодовникова) Н.Г. Экологичность эмотивной коммуникации (на материале предвыборных креолизованных газетных текстов): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010.
4. Маслова В.А. Некоторые онтологические аспекты эмотивности текста // Язык и эмоции: сб. науч. тр. Волгоград: Изд-во «Перемена», 1995. С. 184–191.
5. Петрова С.П. Тематические особенности и коммуникативно-прагматическая направленность дискурсивного жанра «последнее слово приговоренного к смертной казни». URL: http://conf.msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/7048/uid70627_report.pdf (дата обращения: 29.01.2016).
6. Паредес М.Э. Последнее слово. URL: https://www.google.com/url?q=https://www.tdcj.state.tx.us/death_row/dr_info/paredesmiguellast.html&sa=U&ved=0ahUKEwjhuO6Y3M7KAhXGFSwKHW-tADEQFggHMAE&client=internal-uds-cse&usg=AFQjCNF7vwIXMA4uGOfjU1tEJ6rOhEuhCg (дата обращения: 29.01.2016).
7. Посмертная сказка // Esquire. 2015. № 106. URL: <https://esquire.ru/last-statement> (дата обращения: 16.01.2015).
8. Уильямс Д.Д. Последнее слово. URL: https://www.tdcj.state.tx.us/death_row/dr_info/williamsjeffrey999350last.html (дата обращения: 29.01.2016).
9. Управление уголовной юстиции Техаса. URL: <http://www.tdcj.state.tx.us> (дата обращения: 29.01.2016).
10. Шаховский В.И. О переводимости эмотивных смыслов художественного текста // Перевод и коммуникация / отв. ред. А.Д. Швейцер, Н.К. Рябцева, А.П. Василевич. М.: ИЯ РАН, 1996. С. 138–152.
11. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
12. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.
13. Шаховский В.И., Колосова (Солодовникова) Н.Г. Лингвоэкология: объект, предмет и задачи // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. 2010. № 1 (31). С. 22–29.

* * *

1. Vaal' F. de. URL: [https:// esquire.ru // fransiscus-de-waal](https://esquire.ru/fransiscus-de-waal) (дата обращения: 05.01.2016).
2. Drajzer T. Amerikanskaja tragedija / per. N. Gal' i Z. Vershininoj. Baku: «Olimp», 1995.
3. Kolosova (Solodovnikova) N.G. Jekologichnost' jemotivnoj kommunikacii (na materiale

predvybornyh kreolizovannyh gazetnyh tekstov): dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2010.

4. Maslova V.A. Nekotorye ontologicheskie aspekty jemotivnosti teksta // Jazyk i jemocii: sb. nauch. tr. Volgograd: Izd-vo «Peremena», 1995. S. 184–191.

5. Petrova S.P. Tematicheskie osobennosti i kommunikativno-pragmaticheskaja napravlennost' diskursivnogo zhanra «poslednee slovo prigovorennogo k smertnoj kazni». URL: http://conf.msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/7048/uid70627_report.pdf (дата обращения: 29.01.2016).

6. Paredes M.Je. Poslednee slovo. URL: https://www.google.com/url?q=https://www.tdcj.state.tx.us/death_row/dr_info/paredesmiguellast.html&sa=U&ved=0ahUKEwjhuO6Y3M7KAhXGFSwKHW-tADEQFggHMAE&client=internal-uds-cse&usg=AFQjCNF7vwIXMA4uGOfjU1tEJ6rOhEuhCg (дата обращения: 29.01.2016).

7. Posmertnaja skazka // Esquire. 2015. № 106. URL: <https://esquire.ru/last-statement> (дата обращения: 16.01.2015).

8. Uil'jams D.D. Poslednee slovo. URL: https://www.tdcj.state.tx.us/death_row/dr_info/williamsjeffrey999350last.html (дата обращения: 29.01.2016).

9. Upravlenie ugovnoj justicii Tehasa. URL: <http://www.tdcj.state.tx.us> (дата обращения: 29.01.2016).

10. Shahovskij V.I. O perevodimosti jemotivnyh smyslov hudozhestvennogo teksta // Perevod i kommunikacija / отв. red. A.D. Shvejcer, N.K. Rjabceva, A.P. Vasilevich. M.: IJA RAN, 1996. S. 138–152.

11. Shahovskij V.I. Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoy sisteme jazyka. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Izd-vo LKI, 2008.

12. Shahovskij V.I. Lingvisticheskaja teorija jemocij. M.: Gnozis, 2008.

13. Shahovskij V.I., Kolosova (Solodovnikova) N.G. Lingvojekologija: ob#ekt, predmet i zadachi // Russkij jazyk, literatura, kul'tura v shkole i vuze. 2010. № 1 (31). S. 22–29.

Stylistics of the final plea of the sentenced to death

There are revealed the emotive peculiarities of the texts of the final plea of the sentenced to death. From the positions of the emotive linguistic ecology there is considered the ecology of the stress linguistics of the texts.

Key words: *the final plea of the sentenced to death, stress linguistics, ecology, emotive linguistic ecology.*

(Статья поступила в редакцию 04.02.2016)